

POLYSEMY IN MODERN ENGLISH
Bazyłkanova A.S. (Republic of Kazakhstan)
Email: Bazyłkanova582@scientifictext.ru

*Bazyłkanova Aiza Siyagushevna – Student,
SPECIALTY: FOREIGN LANGUAGES (ENGLISH AND KOREAN),
EAST KAZAKHSTAN UNIVERSITY NAMED AFTER SARSEN AMANZHOLOV,
UST-KAMENOGORSK, REPUBLIC OF KAZAKHSTAN*

Abstract: *in English, as in any other language, there are words that have more than one meaning. For example, the word "light" in English has the following meanings: dawn; a lit candle; a lamp; a lighthouse; a headlight and many others. This phenomenon is called polysemy, or polysemy of words. The fact that the language has a polysemy indicates the wide possibilities of the dictionary: the richness of the English language lies not only in the large number of words, but also in the variety of their meanings. New semantic shades give the language flexibility, liveliness and expressiveness.*

In the linguistic literature, there is no unity of views on the phenomenon called polysemy, or polysemy. A word is the main structural and semantic unit of a language that serves for naming objects and their properties, phenomena, relations of reality, having a set of semantic, phonetic and grammatical features specific to a given language.

Polysemy is inherent in both words and morphemes (both root and affixal), it is also inherent in constructive objects (phrases, sentences, texts). Ambiguity characterizes the vast majority of words (both significant and official), which can easily be seen by opening an explanatory dictionary of any language.

Keywords: *philology, polysemy, polysemy, polysemy, word, english.*

ПОЛИСЕМИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
Базылканова А.С. (Республика Казахстан)

*Базылканова Аиза Сиягушевна – студент,
специальность: иностранные языки (английский и корейский),
Восточно-Казахстанский университет им. Сарсена Аманжолова,
г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан*

Аннотация: *в английском языке, как и в любом другом, существуют слова, которые имеют больше одного значения. Например, слово "light" в английском языке имеет следующие значения: рассвет; зажжённая свеча; лампа; маяк; фара и много других. Такое явление называется полисемией, или многозначностью слов. Тот факт, что язык обладает полисемией, свидетельствует о широких возможностях словаря: богатство английского языка заключается не только в большом количестве слов, но и в разнообразии их значений. Новые смысловые оттенки придают языку гибкость, живость и выразительность.*

В лингвистической литературе нет единства взглядов на явление, называемое многозначностью, или полисемией.

Слово - основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для данного языка.

Многозначность (полисемичность) присуща как словам, так и морфемам (и корневым, и аффиксальным), она присуща также и конструктивным объектам (словосочетаниям, предложениям, текстам). Многозначность характеризует подавляющее большинство слов (и знаменательных, и служебных), в чём легко можно убедиться, открыв толковый словарь любого языка.

Ключевые слова: *филология, многозначность, полисемичность, полисемия, слово, английский язык.*

В английском языке, существуют слова, которые имеют больше одного значения. Данное явление называется полисемией, или многозначностью слов.

В лингвистической литературе нет единства взглядов на явление, называемое многозначностью, или полисемией.

Слово - основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именованя предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для данного языка [2].

Многозначность (полисемичность) присуща как словам, так и морфемам (и корневым, и аффиксальным), она присуща также и конструктивным объектам (словосочетаниям, предложениям,

текстам). Многозначность характеризует подавляющее большинство слов (и знаменательных, и служебных), в чём легко можно убедиться, открыв толковый словарь любого языка.

Цель работы: рассмотреть практическое изучение использования многозначных слов в английском языке.

Задачи:

1. Изучить процесс изучения использования многозначных слов в английском языке;
2. Изучить явление полисемии существительных в английском языке.

Методы исследования: анализ теоретических источников по проблеме полисемии в английском языке; анализ и полисемии существительных.

Лексическое значение слова — это содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т.д. Лексическое значение слова является продуктом мыслительной деятельности человека, оно связано с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация и обобщение, оно играет первостепенную роль в познавательной деятельности человека и формируется в процессе активной деятельности говорящих [2; 136].

В лингвистике лексическое значение сопоставляется с философской категорией понятия. Понятие и лексическое значение не совпадают. Лексическое значение слова - это реализация понятия посредством определенной языковой системы. Слово - это единица языка, в то время как понятие - это единица мышления. Понятие не может существовать в языке без словарного выражения, но есть слова, которые не выражают никакого понятия, но при этом имеют лексическое значение. Междометия отражают человеческие эмоции, а не понятия, но каждое междометие имеет свое лексическое значение. Например: *Alas!* - disappointment (разочарование); *Oh, my buttons!* - surprise (удивление), etc. Однако есть слова, которые отражают и эмоции и понятия. Например: *girlie* (девчушка), а *pig* (поросёнок) - when used metaphorically (когда используется в качестве метафоры). Число лексических значений не соответствует ни числу слов в языке, ни числу понятий. Их соотношение различно в каждом отдельном языке. В русском языке есть два варианта перевода английского слова «man»: «мужчина» и «человек», в то время как в английском слово «man» не может быть применено к человеку женского пола и заменится словом «person». Например: «Она хороший человек», но “*She is a good person*”.

На протяжении многих веков традиционным объектом исследовательского внимания было и остается имя существительное, которое занимает центральное положение в системе частей речи. Оно выступает в качестве первичного языкового материала, необходимого для обозначения предметов окружающего мира. Имя существительное обладает субстанциональным характером и может обозначать как конкретные, так и абстрактные предметы [11].

При этом акцентируется внимание на присущей имени существительному предметности, предлагает различать только две ее разновидности - конкретную и отвлеченную. Первая характерна для физически существующих предметов окружающей действительности, а вторая - для предметов, не существующих в качестве отдельных феноменов окружающего мира, но воспринимающихся сознанием в так называемой относительной форме объекта (листва, бег, радость - *foliage, run, pleasure*).

Значение слова состоит из диалектического единства языкового и внеязыкового содержания. Между отображением физического облика слова и отображением предмета устанавливается прочная связь. Реконструкция в нужный момент этой связи протекает в сознании на уровне автоматизации: как только на сознание действует языковой знак, продуцируется отображение предмета, который обозначается этим знаком.

Процесс появления вторичных значений связан с историческим генезисом языка, причем достаточно существенную роль играют психофизические потенции человека, заключающиеся в умении построить ассоциативные связи[5].

Сегодняшнее состояние лексики есть продукт длительного исторического развития, процессы которого нивелировались в языках ментально-когнитивным потенциалом их носителей. Полисемантизм слова - прямое свидетельство того, что лексика языка постоянно находится в динамическом состоянии, отражающем изменения в окружающей действительности.

Можно выделить стадии развития, через которые проходит слово, чтобы окончательно закрепиться в языковой среде:

- а) употребление;
- б) закрепление;
- в) оформление.

С логической точки зрения любое значение полисемантического слова является результатом первичного употребления прямого значения данного слова, то есть между первичным значением и вторичными значениями существует преемственная связь. Слово начинает употребляться в том или ином значении внутри одной или нескольких социальных групп.

Стадия закрепления наступает тогда, когда употребление слова выходит за рамки тех социальных групп, где впервые оно функционировало в данном значении. Значение слова закрепляется в большинстве социальных групп и начинает носить более распространенный характер, в конечном счете, оно становится общеупотребительным [9].

Стадия оформления состоит в отражении нового значения в лексикографических изданиях. Следует отметить, что данная стадия может отсутствовать. Это свидетельствует о двух моментах: либо значение слова недостаточно закрепилось в языковом сообществе (и нет уверенности, что оно когда-либо закрепится), либо лексикографическое издание несовершенно.

Употребление одного и того же слова в разных значениях является для человека естественной мыслительной операцией. Значения многозначного слова реально присутствуют в сознании. Человеческий мозг обладает способностью хранить достаточно большой информационный материал. При необходимости автоматически происходит реконструкция в сознании того фрагмента действительности, с которым связано одно из значений данного языкового знака, и, наоборот, носитель языка способен воспроизвести языковой знак, с которым сопряжен воспринимаемый фрагмент действительности. Собственно говоря, в этом и заключается психофизическая сторона полисемии слова.

Объективные социально-исторические изменения окружающего мира способствуют появлению многозначности. Лексические единицы развиваются применительно к требованиям той или иной ситуации, однако, при этом сохраняя свою стабильность. Причины изменений значений слов, а, следовательно, и причины возникновения полисемантизма кроются в бесконечном разнообразии элементов эмпирического опыта [8].

Описание полисемии единиц лексикона (и в первую очередь слов) представляет собой одну из наиболее сложных задач лексической семантики. Основные вопросы научного описания многозначности лексических единиц связаны с определением границ этой категории. Базовые теоретические задачи в этой области могут быть сформулированы как

(а) различение омонимии и полисемии (т.е. установление границ, в которых разумно говорить о различных значениях одного и того же слова, в отличие от случаев, в которых мы имеем дело с разными словами, совпадающими по форме) и

(б) различение полисемии и моносемии (т.е. установление того предела, до которого различие в конкретных употреблениях слова можно рассматривать как контекстно-обусловленное варьирование в рамках одного значения, в отличие от случаев, когда очередное употребление слова следует описывать как реализацию другого значения).

Определение границ категории многозначности - как по параметру (а), так и по параметру (б) - не поддается четкой операционализации. Поискам критериев, позволяющих разграничить полисемию и омонимию, с одной стороны, и полисемию и моносемию - с другой, посвящено значительное количество исследований. Однако любой из предлагаемых критериев, взятый в отдельности, носит лишь относительный характер [11].

Традиционно разграничение отдельных значений многозначного слова (называемых также *семемами* или *лексико-семантическими вариантами*) проводится на основе критерия наличия - отсутствия общих семантических признаков у сопоставляемых единиц.

Так, у слов *лук*¹ 'огородное растение, овощ' и *лук*² 'ручное оружие для метания стрел' нельзя найти никаких общих нетривиальных семантических признаков. Ср. также *коса*¹ 'заплетенные волосы' и *коса*² 'сельскохозяйственное орудие для скашивания травы'.

Очевидно, что ответ на подобные вопросы зависит не только от целей описания, но и от используемого метаязыка, так как общие признаки могут быть выделены операционально только в том случае, если им сопоставляются совпадающие элементы толкования. Поскольку семантическое описание лексических единиц представляет собой теоретический конструкт, полученный в результате анализа, проведенного с теми или иными целями, понятно, что одна и та же единица может быть описана различным образом.

В зависимости от того, как толкуется та или иная семема, семантические признаки, которые она разделяет с другими семемами, могут выделяться и фиксироваться в толковании или же нет, в особенности, если это признаки слабые, нейтрализуемые. Иными словами, отсутствие общих признаков в толковании не означает, что они не могут быть выделены в соответствующих семантических структурах в принципе. Напротив, выделение общих признаков в качестве основания для постулирования полисемии может быть в ряде случаев оспорено, так как существенно не только их потенциальное присутствие, но и их статус в плане содержания толкуемой единицы. В частности, это могут быть этимологически выделяемые признаки, не входящие в собственно значение слова на синхронном уровне.

Например, у немецкого глагола *scheinen* выделяются два основных значения - 'светить' и 'казаться'. Традиционно эти семемы описываются как разные значения одного слова. В качестве общего признака выделяется указание на зрительное восприятие. Значимость этого семантического признака как критерия

полисемии может быть поставлена под сомнение. Для семемы 'казаться' в контекстах типа *es scheint mir, dass er recht hat* 'мне кажется, что он прав' идея зрительного восприятия вряд ли актуальна. Здесь можно говорить лишь о некоей потенциально значимой на метафорическом уровне связи с указанием на зрение, в том смысле, в каком многие ментальные предикаты этимологически и/или метафорически связаны с идеей зрительного восприятия; ср. *я вижу, что он прав; мне ясно/очевидно, что он прав*.

Характерно, что признак 'зрительное восприятие', которому приписывается роль связующего звена между значениями 'светить' и 'казаться' глагола *scheinen*, выделяется скорее в теоретических работах по семантике, чем в словарных толкованиях. В лексикографии при отнесении той или иной пары лексических единиц к области омонимии или полисемии значимой оказывается прежде всего сложившаяся традиция словарного описания (ср. приведенный выше пример с *косой*).

Относительность критериев различения полисемии и омонимии, а также известная субъективность в выборе способа словарного описания подтверждаются тем, что одни и те же слова по-разному трактуются разными словарями.

Использование критерия общих семантических признаков осложняется еще и тем, что для адекватного и экономного описания соответствующей лексической единицы следует принимать во внимание ее семантическую структуру в целом.

Выделяются два основных вида семантической структуры многозначного слова: *цепочечная* и *радиальная* полисемия.

Цепочечная полисемия отличается от полисемии радиальной тем, что в этом случае отдельные значения слова X 'B', 'C' и 'D' связаны общими признаками не с неким главным значением 'A', мотивирующим все остальные, а как бы по цепочке: у значения 'A' обнаруживается некий общий признак со значением 'B', у 'B' некий иной, отличный от предыдущего общий признак со значением 'C' и т.д. В этом случае «крайние» значения 'A' и 'D' общих признаков могут и не иметь.

Сходным образом и в случае радиальной полисемии семантические связи между значениями 'A' и 'B', 'A' и 'C', 'A' и 'D' могут осуществляться на основе разных признаков. Тогда оказывается, что значения 'B', 'C' и 'D' непосредственно не связаны между собой.

Отсюда следует, что критерий наличия/отсутствия общих семантических признаков, взятый сам по себе, в ряде случаев оказывается недостаточным. Очевидно, что и расположение отдельных семем многозначного слова отнюдь не безразлично для осмысления его семантической структуры как некоего единства, так как, например, противопоставление значений 'A' и 'D' без промежуточных звеньев 'B' и 'C' (в случае цепочечной полисемии) навязало бы иную интерпретацию.

Однако при учете таких значений слова *колена*, как 'отдельная часть чего-либо, идущего ломаной линией от одного сгиба или поворота до другого' (*колена водосточной трубы*), 'отдельное сочленение в стебле злаков, в стволе некоторых растений' (*коленья бамбука*) и 'отдельная часть, законченный мотив в музыкальном произведении' (*затейливые колена гармошки*), семантические связи между всеми перечисленными семемами становятся более очевидными.

Что касается определения границ категории многозначности по параметру (б), иными словами, выработки критериев для разграничения полисемии и моносемии, то важно изначально четко представлять себе, что в реальной речи мы имеем дело с бесконечным множеством разных употреблений лексических единиц, а не с готовыми списками семем. Если перед лингвистическим описанием стоит задача определить, сколько значений имеет слово X, и охарактеризовать эти значения содержательно, то исходным пунктом является не некое «общее значение», виртуально присущее этому слову, а его различные употребления в речи. В каком-то смысле каждое из употреблений оказывается уникальным, поскольку слово, рассматриваемое как единица речи, т.е. употребленное в конкретной ситуации общения, обрастает дополнительными смыслами, привнесенными данной ситуацией. Несколько преувеличивая, можно утверждать, что у слова следует выделить столько актуальных, речевых, ситуативно-обусловленных значений, сколько различных контекстов его употребления удастся обнаружить.

Сведение актуальных, речевых значений в значения языковые, узуальные - результат работы лингвиста. В зависимости от своих теоретических представлений о природе объекта и практических установок он может в принципе принимать разные решения относительно того, от каких различий между конкретными речевыми значениями можно при этом отвлечься, а от каких - нет. Единственный общий принцип, который здесь можно было бы назвать, - это стремление не умножать количество значений без нужды, что соответствует общеметодологическому принципу научного исследования, известному как «бритва Оккама» («Сущности не должны умножаться без необходимости»).

Например, для слова *окно* можно было бы выделить такие значения, как (1) 'отверстие в стене здания', (2) 'стекло, закрывающее это отверстие' и (3) 'рама, в которую вставлено это стекло'. Такое разделение могло бы в принципе оказаться полезным для описания сочетаемости слова *окно*. Так, в словосочетании *залезть в комнату через окно* имеется в виду (1), в словосочетании *разбить окно* - (2), а в сочетании *покрасить окно* - (3). Иными словами, в каждом из этих случаев мы интерпретируем *окно* несколько по-

разному. Однако ни один из известных словарей не прибегает к такому способу описания, а предпочитает толкования, объединяющие все три интерпретации; ср. 'отверстие в стене здания для света и воздуха, а также застекленная рама, закрывающая это отверстие' (МАС). Возможность и целесообразность такого объединения объясняется тем, что различия между (1), (2) и (3) выводятся по достаточно регулярным принципам: попадая в тот или иной контекст, слово может фокусировать, подчеркивать некоторые признаки, важные в данном контексте, и приглушать, как бы уводить в тень другие признаки, потенциально присутствующие в его значении. Так, говоря *он разбил окно*, мы подчеркиваем признак 'застекленный', а говоря *он покрасил окно* - признак наличия у окна рамы. При этом и в том и в другом случае понятие окна со всеми его существенными признаками остается тождественным самому себе. С этой точки зрения, отказ от выделения самостоятельных значений (1), (2) и (3) оказывается оправданным. Описание этих интерпретаций как прагматически обусловленных вариаций одной и той же семантической сущности представляется более экономным и более приемлемым интуитивно. Здесь мы имеем дело с так называемыми импликатурами дискурса, т.е. с определенными правилами интерпретации высказываний и их элементов, увязывающими некие принципиально «недоспецифицированные» семантические структуры с обсуждаемой ситуацией.

Дополнительным аргументом в пользу такого синкретического описания является наличие контекстов, в которых слово *окно* выступает как бы одновременно в нескольких вариантах употребления, ср. *он залез в комнату через разбитое окно*, где *окно* понимается и как (1) и как (2) одновременно. В данном случае различия между употреблениями типа (1) и (2) нейтрализуются, что может быть истолковано как наведение фокуса внимания сразу на несколько элементов семантической структуры.

Важно, однако, иметь в виду, что сама по себе нейтрализация семантических различий в определенных контекстах не является доказательством отсутствия многозначности. То, что в одних случаях экономно и интуитивно приемлемо описывать как особенности фокусирования частей некоторой единой по сути семантической структуры, в других случаях удобнее описывать как нейтрализацию различий между отдельными значениями. Подобные аргументы в пользу моносемии оказываются значимыми лишь в сочетании с другими факторами, препятствующими выделению нескольких значений.

Итак, с одной стороны, принцип экономии лингвистического описания требует минимизировать количество постулируемых значений, но, с другой стороны, этот же принцип требует установления полисемии везде, где это удобно для описания лингвистически значимых свойств данной лексической единицы [5].

Например, даже если не принимать во внимание собственно семантические особенности, значение глагола *выходить* в контекстах типа *Окна выходят в сад* проще и экономнее описать как отдельную семему, отличную от реализации этого глагола в контекстах типа *Дети выходят в сад*, хотя бы из-за того, что глагол *выходить* в первом случае не имеет формы совершенного вида, а во втором имеет, ср. неприемлемость (на которую указывает звездочка) выражения **Окна вышли в сад* с совершенно нормальным *Дети вышли в сад*. В противном случае различия в образовании видов пришлось бы объяснять с помощью развернутого описания контекстных условий. Сходным образом, значение существительного *работа* в контексте *Пора идти на работу* полезно описать как отличающееся от значения *Студент сдал работу вовремя*. В первом случае форма множественного числа отсутствует (**Они каждый день ходят на работы в свои институты* при норме *Они каждый день ходят на работу в свои институты*), а во втором она есть (*Студенты сдали работы вовремя*) [6].

Понятно, что чем больше разных лингвистических свойств обнаруживают сопоставляемые употребления рассматриваемого слова, обращение к которым необходимо для исчерпывающего описания его функционирования в языке, тем больше оснований считать эти употребления разными значениями. Это могут быть различия в образовании форм, в синтаксической позиции, в заполнении валентностей и пр. Если же различия минимальны и в известной степени тривиальны из-за своей регулярности и предсказуемости, то ими можно пренебречь. Наглядной иллюстрацией этого положения может служить предложенное Ю.Д. Апресяном словарное описание глагола *гореть*.

Значение *X горит* [*Каши горит*] = 'приготавливаемый на огне пищевой продукт X становится непригодным к употреблению в результате слишком длительной или слишком интенсивной тепловой обработки, выделяя при этом характерный запах' необходимо отделить от значения этого глагола в таких контекстах, как *Мы в том году три раза горели*. Это необходимо хотя бы из-за разных форм совершенного вида (*сгореть* и *погореть* соответственно), а также из-за разного заполнения субъектной валентности. С другой стороны, внутри «пищевого значения» не выделяется в отдельное подзначение метонимическое употребление типа *чайник/сковорода горит* (которая в принципе есть своего рода регулярная многозначность - ср. ниже), хотя в этом случае толкование существенно модифицируется: *X горит* = 'от X-а в результате слишком сильного накаливания идет чад'; *X сгорел* = 'в результате слишком сильного накаливания X стал непригоден для употребления'. Здесь также происходит смена семантического класса заполнителя субъектной валентности. Но из-за регулярности подобных случаев (ср. *вода кипит* - *чайник кипит*; *у тебя там молоко убежало* - разг. *у тебя там кастрюля убежала*) в

словарном описании метонимические переносы такого рода можно и не выделять в отдельные значения, считая, что они выводимы по правилам «грамматики лексикона» [8].

Таким образом, можно сделать вывод, полисемия, или многозначность слов возникает вследствие того, что язык представляет систему, ограниченную по сравнению с бесконечным многообразием реальной действительности так язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий.

Список литературы / References

1. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка: учебник. пособие для студентов. М.: Дрофа, 1999-377 с. [на русском].
2. Аничков И.Е. Работает по лингвистике. СПб: Наука, 1997. 209 с. [на русском].
3. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М.: Физмалит, 2005. 400 с. [на русском].
4. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методология ее исследования. Просвещение, 1966. 186 с. [на русском].
5. Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П. Многозначность и омонимия. 3-е изд. перепечатка. и доп. СПб: Питер, 1996. 127 с. [на русском].
6. Белявская Е.Г. Семантика слова М. Высшая школа, 1987. 127с. [на русском]. 7. Будагов Р.А. Очерки языкознания. М.: Просвещение, 1998. 267 с. [на русском].
7. Будагов Р.А. К вопросу о языковых стилях. // Вопросы языкознания. № 3, 1999. С. 24-26.
8. Верхотурова Т.Л. Когнитивный признак наблюдаемости как механизм формирования языкового значения на любом уровне // Вестник НГУ. № 6, 2004. С. 153-156. [на русском].
9. Верхотурова Т.Л. Многозначность, прототип, познание. // Лингвистическая реальность и межкультурное общение, 2000. № 5. С. 29-31. [на русском].
10. Гальперин И.Р. Синтаксические выразительные средства английского языка. // Иностранные языки в школе. № 4, 1949. С. 34-38. [на русском].
11. Гальперин И.Р. Перевод и стилистика. Сборник «Теория и методика учебного перевода». - Москва: Дело, 2003. 416 с. [на русском].
12. Гальперин И.Р. К проблеме стилистической дифференциации лексики современного английского языка. М.: Дело, 2001. 267 с. [на русском].
13. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. Москва: Изд-во МГУ, 1999. 300-е гг. [на русском].
14. Ефимов А.И. Об изучении языка художественных произведений. М.: Новое слово, 1996. 344 с. [на русском].